

ПРОДВИЖЕНИЕ РОССИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ

Дата: 08.02.2021 Автор: Иван Андрианов

Рубрика: [Ближний Восток](#)

Фото: Semdinlihaber.net

Предлагаемый материал является частью доклада, представленного в рамках экспертного круглого стола, посвященного динамике развития российской цивилизации, который проходил 19 января в Московской торгово-промышленной палате.

В своем выступлении я хотел бы остановиться на текущих проблемах, с которыми связано возвращение России на Ближний Восток. Однако совсем без истории все-таки не обойтись.

Предпринимая попытку оценить перспективы российской политики на Большом Ближнем Востоке, нельзя не подчеркнуть, что интересы Москвы в данном регионе имеют давнюю историю. Однако результаты реализации этих интересов были весьма скромными. В значительной степени это обусловлено тем, что путь в регион столетиями и весьма успешно блокировался Османской империей и Ираном.

Единственным успешным проектом царской России на Ближнем Востоке, который просуществовал десятилетия, было создание в 1882 году Православного Палестинского общества, которое в 1889 году повысило свой статус до Императорского.

Однако, что ясно из названия этой организации, Общество решало хоть и важные, но узкие задачи по защите единоверцев в Османской империи, главным образом, в гуманитарной сфере. Организация вела и достаточно активную просветительскую деятельность.

К началу Первой мировой войны она содержала на территории Палестины, Сирии и Ливана более 100 школ. Кроме того, на русском участке возле Храма Гроба Господня велись раскопки, в результате которых была обнаружена древняя стена Иерусалима и сделан ряд других археологических открытий.

Таким образом, до Первой мировой войны взаимоотношения России с Большим Ближним Востоком в значительной степени сводились к отношениям с Османской империей, которые, как мы знаем, были далеко не всегда безоблачными.

После Октябрьской революции, в 1920-30 годы, – политика Москвы определялась в первую очередь идеологическими соображениями. Так, руководство РСФСР, исходя из того, что Мустафа Кемаль Ататюрк поддержит идею «борьбы с империалистическими правительствами», оказывало основателю новой Турецкой республики всестороннюю поддержку, включая поставки вооружений. Что из этого вышло, хорошо известно: укрепив свою власть, турецкий лидер решительно развернулся в сторону Запада.

С появлением Коммунистического интернационала (Коминтерна) велась работа, и порой небезуспешная, по созданию новых или поддержке уже

существующих коммунистических политических объединений в странах региона. Среди прочих стоит выделить компартии в Турции, в Палестине, Сирии, и Ираке, которые, впрочем, были слишком малочисленными и не обладали достаточным весом, чтобы влиять на политичку своих государств.

Однако после Второй мировой войны, на фоне развала мировой колониальной системы, в результате чего в ряде стран, ранее полностью зависящих от своих метрополий, образовывался политический вакуум, СССР активизировал свою деятельность на Ближневосточном направлении.

При этом Москва уже исходила не только из стремления распространить свое политическое и идеологическое влияние, но и из понимания важности этого региона как стратегического военного плацдарма, его места в мировых транспортных потоках, связывающих южную и юго-восточную Азию с Европой. Немаловажным моментом растущего интереса Советского Союза к Ближнему Востоку являлось стремление принять участие в контроле над значительными и легко добываемыми ресурсами углеводородов, потребность в которых на мировых рынках в тот период стремительно возрастала.

Обстановку во многих странах региона в тот момент можно охарактеризовать как политический хаос. Нередким явлением были дворцовые или военные перевороты, к власти часто прорывались националисты. И если с частью новых правителей Москве удавалось найти общий язык, то в других превалировали явные антисоветские настроения.

Во времена холодной войны политика Советского Союза на Ближнем Востоке во многом определялась противостоянием с Соединенными Штатами и, несомненно, с появлением на карте мира Израиля.

После начала арабо-еврейского противостояния на территории Палестины появлялись трансирданские, иракские, египетские, сирийские и ливанские войска. Помимо этого, Йемен и Саудовская Аравия также объявили Израилю войну. Не стоит забывать и противостояние Египта с Израилем. Стоит ли напоминать, что в СССР поддерживали страны, находящиеся в конфликте с Израилем, который вскоре после его создания взял курс на Запад и пользовался покровительством и поддержкой со стороны Соединенных Штатов.

В целом период, когда две сверхдержавы, которые доминировали в регионе, стал временем относительного баланса сил, который периодически нарушался военными конфликтами, когда две сверхдержавы устремили свои взгляды в регион, предпринимая попытки установить там

свое влияние. К сожалению, уже с развалом Советского Союза, Москва практически полностью приостановила свою активность на ближневосточном направлении, потеряв большую часть бывшего влияния.

Процесс возвращения уже новой России в регион начался совсем недавно – по сути дела с началом военной операции в Сирии. Несомненно, ближневосточный внешнеполитический вектор Москвы был сформирован постепенно, основа его была заложена и до 2015 года. И тут нельзя забывать о заслугах Евгения Максимовича Примакова. Однако для международного сообщества Москва вернулась в ближневосточную игру именно на фоне событий, произошедших в Сирийской Арабской Республике.

До этого главным внешним действующим лицом на Ближнем Востоке, определенно, были США, а Турция, Иран, Израиль, как и раньше, оставались главными претендентами на господствующее влияние в регионе. Но именно претендентами.

Возвращаясь к основной теме доклада, отдельно хочется отметить перспективы, которые открываются при наращивании российского влияния в Ближневосточном регионе. Несомненно, во главе угла стоят вопросы безопасности. В данном случае подразумевается сразу несколько ключевых моментов. Во-первых, борьба с международным терроризмом и недопущение проникновения радикальных элементов на территорию нашего государства. Во-вторых – сокращение активности в регионе США и НАТО.

С этим напрямую связан и вопрос развития со странами региона военно-технического сотрудничества. Поскольку эффективное использование российских вооружений и военной техники в разгроме боевиков запрещенной в России террористической организации ИГИЛ было по достоинству оценено платежеспособными странами региона.

Но приобретение оружия и (или) военной техники не разовая акция. Она подразумевает их достаточно продолжительное обслуживание, ремонт, поставку боеприпасов, запасных частей и т.д., а это требует поддержания определенного уровня уже политических отношений между страной-продавцом и страной-покупателем.

Несомненно, Ближний Восток представляет значительный интерес и с политической точки зрения. Влияние в любом регионе, так или иначе, оказывает положительное воздействие не только на политический вес государства, но и позволяет рассчитывать на приоритетные позиции в переговорах по самым разным вопросам. К примеру, договоренности о

постройке атомных станций и крупных промышленных комплексов крайне редко принимаются без учета политических последствий в плане сотрудничества с тем или иным государством. Причем на продолжительную перспективу.

На сегодняшний день, помимо прочего, следует подчеркнуть, что благодаря проводимой политике на Ближнем Востоке, России удалось не только вернуться в регион, но и закрепить свою роль государства, которое способно разрешать самые серьезные кризисы и конфликты, как в качестве посредника, так и непосредственного участника.

Важными представляются и вопросы в сфере энергетики, в том числе и сохранение Европы в орбите российской нефтегазовой политики. В данном случае намерение американцев поставлять сжиженный газ в государства ЕС, конечно, не представляет такой реальной опасности для нефтегазовых доходов РФ, как вероятность куда более масштабных поставок голубого топлива из стран Персидского залива. Впрочем, для осуществления такого проекта необходим контроль над прибрежными линиями Восточного Средиземноморья и наличие необходимой инфраструктуры для транспортировки углеводородов.

Проект поставок газа в Европу с месторождения Парс (Иран/Катар) через Иран, Ирак и Сирию провалился на самой начальной стадии, поскольку власти Сирийской Арабской Республики во главе с Башаром Асадом отказались в нем участвовать. Попытка свергнуть несговорчивого сирийского лидера привела к вооруженному противостоянию внутри страны, вмешательству ИГИЛ и, в конце концов, к обращению Асада к российскому руководству о военной помощи.

Возможность реанимации упомянутого проекта в обозримой перспективе отсутствует по ряду причин, включая тот факт, что обстановка в САР до конца не урегулирована. Помимо крупного анклава в провинции Идлиб, на западе страны остаются очаги террористов, хотя и не такие крупные, а также на Востоке в приграничных с Ираком районах. Да и на территории Ирака, который также должен был стать страной-транзитером, далеко не все спокойно.

Нельзя упускать из виду и инвестиционную привлекательность этого региона.

В данном контексте Ближний Восток обладает значительным потенциалом. И речь идет не только про контракты на восстановление разрушенной после боев с террористами практически до основания Сирии, но и Ирака. А

также Бейрута, который значительно пострадал от взрыва в порту в августе 2020 года и недавних беспорядков.

Несомненно, финансово-экономическая отдача от подобных вложений будет долгой, но и вместе с тем масштабной. Российские компании уже начинают работать в Сирийской Арабской Республике, в их числе и Газпром, РЖД, Рособоронэкспорт, Ростех, фармкомпании, различные ведомства, в том числе и Минздрав, активно работает и Торгово-промышленная палата, а также Россотрудничество, нефтяные компании и так далее.

Говоря об инвестиционной привлекательности региона, естественно, нельзя говорить об одной Сирии. Поэтому отметим, что на сегодняшний день все больше возрастает роль в качестве претендента на очередной мировой финансовый центр Объединенных Арабских Эмиратов. Помимо этого, страны Персидского залива активно развивают нефтеперерабатывающий сектор, металлургию, производство стройматериалов, цемента, алюминия. Ведется работа по наращиванию горнодобывающей промышленности. Все эти сферы могут представлять интерес и для российских инвесторов, которые готовы вложить не только деньги, но и технологии.

В целом ОАЭ, Саудовская Аравия, Катар и другие страны развивают собственные экономики, повышая тем самым свою инвестиционную привлекательность. При этом необходимо учитывать, что своих денег, вопреки расхожему мнению, у этих государств не так уж и много. Большая часть финансов этих стран уже вложена в огромное количество различных проектов, в том числе и за рубежом. А вот свободных средств на новые проекты порой не хватает. Несомненно, такие экономики как Китай и США обладают большими возможностями для инвестиций, чем мы. Однако Россия в данном случае могла бы побороться за счет предоставления займов на более выгодных, лояльных условиях.

Думается, что в целом с перспективностью Ближнего Востока понятно. В докладе я затронул лишь несколько аспектов, которых, само собой, в реальности в сотни раз больше. Тем не менее, стараясь уложиться в регламент, думаю, что отдельное внимание стоит уделить нашим конкурентам в регионе и рискам, исходящим от них.

В первую очередь сразу отмечу, у России нет союзников на Ближнем Востоке. Кроме, пожалуй, Сирии, но ввиду общеизвестных событий ей пока самой нужна помощь.

Регулярно можно слышать, что Турция долгое время, до событий 2016 года, когда был сбит российский Су-24, была партнером Москвы. Была и есть, и

пока будет. Но лишь в отдельных сферах, где наши интересы совпадают. Политика Эрдогана всегда была направлена на реализацию его собственных амбиций, в том числе и по превращению республики Ататюрка в наследницу былого величия Османской империи. В том числе и за счет возврата под контроль Анкары территорий, которые уже давно являются независимыми государствами, что явно не совпадает с российским видением этого региона. Поэтому питать иллюзии относительно того, что турки решат уступить главенствующую роль в регионе, к которой они, несомненно, стремятся, или умерить свои амбиции ради добрых отношений с Москвой было бы как минимум наивно.

Примерно такое же понимание должно быть и в отношении политики властей Ирана. Несомненно, отношения Тегерана и Москвы более доверительные, чем Анкары и Москвы. Но необходимо понимать, что Иран также претендует на лидирующие позиции на Ближнем Востоке. Кроме того, не надо забывать, как оперативно Тегеран развернулся в сторону Запада, дав зеленый свет американским, немецким, французским корпорациям в ущерб интересам российских партнеров после заключения т.н. «ядерной сделки».

Говоря об Иране, отметим, что он уже рассматривает нашу страну как конкурента на сирийском направлении. Тут важно не забывать, что иранцы так же, как и мы рассчитывают получить контракты на восстановление разрушенной и разоренной страны.

Персы пытаются получить возможность работать в области энергетики и телекоммуникаций. Впрочем, справедливости ради, стоит отметить, что сирийские власти пока не спешат отдавать их Исламской Республике, отдавая приоритет российским компаниям. К примеру, несмотря на предварительные договоренности между САР и Ираном относительно возможности контракта на добычу фосфатов под Пальмирой, Дамаск предоставил российскому «Стройтрансгазу» эксклюзивные права на разработку месторождения сроком на 50 лет и ежегодную добычу, и продажу 2,2 млн тонн полезного ресурса. При этом 30% от прибыли получать будет сирийская сторона.

На этом фоне Тегеран наращивает свое влияние в целом ряде племен, в том числе и суннитских, строит медицинские центры, восстанавливает электроснабжение и школы. Кроме того, власти Исламской Республики призывают своих граждан как можно активнее скупать недвижимость в Дамаске и Хомсе, которые являются ключевыми транспортными и логистическими пунктами, связывающими Сирию и Ливан, что, впрочем, не всегда вызывает восторг у простых сирийцев, провоцируя антииранские настроения.

Не стоит забывать и об интересах в регионе Китая. Так, даже, несмотря на определенную настороженность в отношении инвестирования в Сирию, еще в 2007 году Пекин и Дамаск уже достигли договоренности об инвестициях на сумму в 23 млрд долларов. Само собой, инвестирует Китай и в другие страны региона, в том числе и в Турцию, ОАЭ, Саудовскую Аравию.

Последним в этом весьма неполном списке наших конкурентов, но не последним по значимости являются Соединенные Штаты Америки, которые являются давним и крайне влиятельным игроком в регионе.

Нельзя исключать, что приход администрации Байдена с большой долей вероятности сместит акценты политической линии Белого дома в отношении Ближнего Востока. Американские аналитики прогнозируют, что политика США в регионе станет более мягкой по форме, но, в тоже время, Вашингтон энергично начнет восстанавливать там свое присутствие после того, как Трамп практически вычеркнул Ближний Восток из приоритетных направлений политики американской внешней политики.

Достаточно сказать, что в новой администрации кандидатом на пост директора ЦРУ является Билл Бернс, а кандидатом в советники по национальной безопасности Джейк Салливан. Примечательно, что этот тандем прекрасно показал себя в ходе секретных переговоров с Ираном в Омане в 2013 году, достигнутые ими договоренности между двумя странами заложили основу Совместному всеобъемлющему плану действий, или иранской ядерной сделке. Что также интересно, новый глава разведывательного управления владеет не только русским, но и арабским языком.

Было бы крайне недальновидным считать, что на своем посту он будет игнорировать работу вверенного ему ведомства на ближневосточном направлении. Особенно учитывая, что Бернс, комментируя политику Трампа в регионе, заявил, что: «никогда еще американская дипломатия не раздавала так много переговорных карт так быстро за столь малую сумму».

Вполне очевидно, среди всех конкурентов за влияние на Ближнем Востоке Иран не способен оказать полноценное сопротивление российскому продвижению, Турция, ввиду существенных экономических проблем, также не может полностью перехватить инициативу у Москвы, а вот США и Китай обладают достаточными возможностями, как с точки зрения политической силы, так и экономической.

При этом подчеркнем, что все четыре государства работают в регионе не только давно, но и планомерно, фундаментально.

И Анкара, и Тегеран, а также Вашингтон с Пекином активно применяют элементы мягкой силы. Корпус стражей исламской революции является крайне влиятельной организацией на всем Ближнем Востоке, Турция же долгое время работает над созданием учебных учреждений, институтов, над формированием лояльных ей группировок в странах региона, которые помогают ей внедрять во властные структуры политиков, настроенных на расширение сотрудничества с Анкарой. Ну а где-то турецкие власти просто захватывают ряд территорий с применением военной силы или частной военной компании SADAT, к примеру, как это было во время трех сирийских операций.

Действия США в регионе также носят фундаментальный характер, как бы ни ругали администрацию Трампа её преемники. Обширная сеть аналитических центров, налаженных контактов, лояльных политиков и лоббистских организаций позволила Вашингтону не только продвигать свои внешнеполитические интересы, но и организовать целую череду революций, более известных как «арабская весна».

В данном контексте представляется необходимым подчеркнуть, что Россия и так отставала от своих конкурентов. А масштабное сокращение, если не свертывание, ближневосточной политики в 90-е годы и начале двухтысячных лишь увеличило этот разрыв.

Для его компенсации и развития своего влияния сегодня необходимо активно и что важно системно применять все практики, использовавшиеся не только нашими конкурентами, но и Советским Союзом. А именно – важно работать с политическими группами, партиями государств, не просто поддерживая действующие режимы, но и прилагая усилия по приведению к власти пророссийских политиков. А это возможно лишь в случае, если работа ведется со всеми участниками политического процесса.

Необходимо подобно американцам разворачивать в странах региона сеть аналитических и консультационных структур, которые смогут оказывать влияние на принимаемые решения в пользу интересов Москвы. Думается, что на первых порах это могли бы быть представительства российских центров, на базе которых были бы созданы филиалы, имеющие официально местное гражданство.

Учитывая турецкий опыт, добавлю, что процесс взаимодействия с молодежью, которая уже вскоре может возглавить страны Ближнего Востока, также представляется жизненно необходимым. При этом важно не только готовить специалистов в российских ВУЗах, но и работать на их территории, открывая филиалы учебных заведений, возможно, применять и методы дистанционного обучения, которые, кстати, прошли у нас обкатку в

эпоху коронавируса.

Подводя итог, отмечу, что, несомненно, выдача кредитов на более льготных условиях и репутация надежного партнера, следующего нормам международного права, конечно, помогают продвижению российских интересов на Ближнем Востоке. Однако, представляется, что этого недостаточно. Комплексный, системный подход к работе со странами региона, четкое осознание и формирование приоритетов на политическом уровне позволит нам не только наверстать упущенные годы, но всерьез побороться за влияние в будущем. Причем не только в Сирии, где, естественно, к российским представителям относятся достаточно лояльно, но и в других странах региона, которые могут давать, если не большую, то точно не меньшую политическую и экономическую отдачу для нашей страны.